

DOI: 10.31857/S013038640015032-3

© 2021 г. **В.А. ВЕДЮШКИН**

ПОСОЛЬСТВО П.И. ПОТЕМКИНА В ИСПАНИЮ В 1667–1668 годах: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ И ДИАЛОГА ДВУХ ДИПЛОМАТИЙ

Ведюшкин Владимир Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: vedyushkin@mail.ru

Researcher ID: AAC-6866-2020; ORCID: 0000-0003-4721-2388

Аннотация. Российская дипломатия XVII в. довольно заметно отличалась от западноевропейской дипломатии того же времени. Задача статьи – выявить эти особенности, а также проанализировать восприятие русских послов европейскими дипломатами на материале русской и испанской документации первого русского посольства в Испанию (1667–1668 гг.). Отсутствие прецедентов в отношениях между двумя странами делало особенно важными вопросы дипломатического церемониала. Поскольку из-за дальности расстояний какие-либо контакты между посольством П.И. Потемкина и Посольским приказом были невозможны, в этих условиях особое значение приобретали подробные инструкции (наказ), данные послам в Москве. В этой связи в статье ставится задача определить степень и характер зависимости действий дипломатов от требований наказа. Сравнительный анализ наказа и итогового отчета (статейного списка) в части, относящейся к пребыванию посольства в Мадриде, показывает, что послы скрупулезно следовали наказу, проявляя инициативу лишь в тех случаях, которые не были им предусмотрены. При этом все требования наказа имели логическое объяснение: не нанести ущерба интересам России, не уронить чести посланников великой державы, не дать иностранным дипломатам нежелательного прецедента. Испанская же сторона, недостаточно осведомленная о специфике наказа, в некоторых случаях не понимала поведения послов, приписывая его тщеславию, мелочности и вздорному нраву москвитов. В то же время, хотя визит посольства был неожиданным, испанские дипломаты быстро сумели собрать разнообразные сведения о русских и учесть их, проявив гибкость при организации аудиенций и в ходе переговоров. Хотя между испанскими и русскими дипломатами существовали различия, обе стороны ориентировались на существовавшую в Европе дипломатическую практику. Отсутствие противоречий между двумя государствами и их заинтересованность в установлении дипломатических отношений и развитии двусторонней торговли определили успех миссии П.И. Потемкина.

Ключевые слова: русско-испанские отношения, дипломатия, дипломатический церемониал, посольство, П.И. Потемкин, Посольский приказ, переговоры.

V.A. Védyushkin

The Embassy of Pyotr Potyomkin to Spain, 1667–1668: Some Features of Mutual Perception and Dialogue of Two Diplomacies

Vladimir Védyushkin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vedyushkin@mail.ru

Researcher ID: AAC-6866-2020; ORCID: 0000-0003-4721-2388

Abstract. The Russian diplomacy of the 17th century had some specific features in comparison with the Western European diplomacy of the same time. The purpose of this article is to identify these features and analyze the perception of Russian ambassadors by European diplomats. The research is based on both Russian and Spanish documentation of the embassy of Pyotr Potyomkin (1667–1668), the first Russian embassy in Spain. Since there were no instances of diplomatic contacts between the two countries in the past, the diplomatic ceremonial was of crucial importance for Pyotr Potyomkin's mission. Since no contact between the diplomats and the Ambassadorial Chancellery in Moscow was possible due to the long distance between Russia and Spain, the detailed instructions (*nakaz*) given to Pyotr Potyomkin in Moscow acquired a special significance. Therefore the article aims to determine the extent and nature of the dependence of the diplomats' actions on their instructions. A comparative analysis of the *nakaz* and the final report (*stateinyi spisok*) in the part related to the stay of the embassy in Madrid and the negotiation process shows that the ambassadors scrupulously observed the *nakaz*, taking initiative only in those cases that were not covered by it. All of its requirements had a logical explanation: not to harm the interests of Russia, not to lower the honour of the envoys of a great power, not to create a bad precedent in the diplomatic ceremonial. The Spanish side, not sufficiently aware of the specifics of the *nakaz*, sometimes did not understand the behaviour of the ambassadors, attributing it to their vanity, pettiness, and bad temper. At the same time, although the Russian embassy took Spanish diplomats wholly by surprise, the latter managed, within a limited time, to collect a variety of information about the Russians and take it into account, showing flexibility in organizing audiences and during negotiations. Although there were differences between Spanish and Russian diplomats, both sides adhered to European diplomatic practice. The absence of contradictions between the two states and their interest in establishing diplomatic relations and developing bilateral trade determined the success of Pyotr Potyomkin's embassy.

Keywords: bilateral relations, Russia, Spain, diplomacy, diplomatic ceremonial, embassy, Pyotr Potyomkin, Ambassadorial Chancellery, negotiations.

В течение XVII в., по мере активизации внешней политики России, ее дипломаты все чаще появлялись в самых разных странах Европы, в том числе в тех, с которыми у Москвы прежде не было дипломатических отношений. Их экзотические для жителей Западной Европы одеяния и поведение, роскошные меха, составлявшие главную часть посольских даров, вызывали в столицах и при дворах неподдельный интерес. Но дело не только в одеяниях: сама российская дипломатия XVII в. отличалась заметной спецификой по сравнению с западноевропейской дипломатией того же времени. Это касается и организации посольств, и церемониала, и самих фигур послов и посланников. В чем же состояла эта специфика, в какой мере и в каких формах ее осознавали сами дипломаты XVII в.? Ответить на эти вопросы можно, только сравнив российскую и зарубежную документацию по тому или иному посольству, а шанс в равной степени исследовать источники из российских и зарубежных архивов выпадал историкам нечасто. Мы попытаемся рассмотреть эти вопросы на материале русской и испанской документации посольства в Испанию стольника П.И. Потемкина и дьяка С.В. Румянцева в 1667–1668 гг.

Речь идет о времени, когда у России не только в Испании, но и в целом в Западной Европе не было постоянных дипломатических представителей, посольства отправлялись тогда, когда нужно было решить какую-либо конкретную задачу, а если необходимости в этом не возникало, отношения с тем или иным государством могли прерываться на несколько лет или даже десятилетий (это, кстати, усиливало черты экзотики в восприятии русских в Европе: одно дело, если посла и его свиту, хотя бы и не похожих на местных жителей, можно видеть в той или иной европейской столице постоянно, и совсем другое – если они появляются там впервые или после многолетнего перерыва). Чтобы не тратиться лишний раз на долгую, трудную и дорогостоящую поездку, нередко в рамках одной миссии объединялись, чаще всего по критерию географической близости, посольства в две или даже в несколько разных стран. От отправления посольства до его возвращения в Москву нередко проходило полтора–два года.

Таким было и первое русское посольство в Испанию в 1667–1668 гг.¹ И.П. Потемкин и его спутники выехали из Москвы 8 июля, 10 октября отбыли на корабле из Архангельска и 4 декабря прибыли в Кадис. В ожидании разрешения ехать в Мадрид они провели месяц в Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария близ Кадиса, а затем, проделав с остановками путь до Мадрида, 27 февраля 1668 г. вступили в столицу, где оставались до 7 июня. Получив три королевские аудиенции (7 марта, 5 апреля и 18 мая) и проведя переговоры, посланники направились во Францию, границу которой пересекли 2 июля², а в ноябре вернулись в Россию.

Если пребывание посольства на Пиренейском полуострове – важная веха в истории русско-испанских отношений³, то в истории русско-французских связей его роль несколько скромнее, поскольку ему предшествовала миссия И. Кондырева и М. Неверова

¹ Посольство в Испанию в 1667–1668 гг. не раз привлекало внимание исследователей. См., в частности: *Derjavin C.* La primera embajada rusa en España // *Boletín de la Real Academia de la Historia.* 1930. № 96. P. 877–896; *Фернандес Искьердо Ф.* Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П.И. Потемкина в 1667–1668 годах // *Проблемы испанской истории.* 1992. М., 1992. С. 95–104; *Fernández Izquierdo F.* Las embajadas rusas a la Corte de Carlos II // *Studia Historica. Historia Moderna.* 2000. Vol. 22. P. 75–107; *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление русско-испанских отношений. М., 2011. С. 87–101; *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 201–203; *Egea Fernández M.A.* La primera embajada moscovita a la Monarquía Hispánica // *From Ireland to Poland: Northern Europe, Spain and the Early Modern World* / eds E. García Hernán, R. Skowron. Valencia, 2015. P. 273–288; *Эгеа Фернандес М.А.* Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время.* Вып. 4. М., 2015. С. 205–209; *Ее же.* Первое русское посольство в Испанское королевство (1667–1668 годы). Источники испанских архивов // *Новая и новейшая история.* 2016. № 4. С. 115–125; *Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: документы и материалы* / отв. ред. В.А. Ведюшкин, сост. В.А. Ведюшкин, Е.Е. Рычаловский. М., 2018.

² О пребывании посольства в 1668 г. во Франции см., в частности: *Статейный список П.И. Потемкина (Франция)* // *Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки.* Репринтное воспроизведение. СПб., 2008. С. 227–315, 426–441; *Schaub M.K.* Avoir l'oreille du Roi. L'Ambassade de Pierre Potemkin et Siméon Roumiantsev en France en 1668 // *Paroles de Négociateurs. L'Entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Âge à la fin du XIXe siècle* / Andretta S. et alii. Rome, 2010. P. 213–229; *Третьякова М.В.* «Такой чишеной грамоты нам не имывать», или к вопросу о посольстве стольника П.И. Потемкина и дьяка С. Румянцева во Францию в 1667–1668 годах // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История».* 2013. Вып. 1. С. 43–62; *Hennings J.* Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016. P. 66, 99–100.

³ Предшествовавшие испанской миссии Потемкина 1667–1668 гг. посольства Василия III в 1520-е годы, хотя Карл V и принял их в Испании, были направлены к нему не как к пиренейскому монарху, а как к императору, и к тому же, не имея продолжения в течение почти полутора столетий, оказались прочно забыты. – *López de Méneses A.* Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // *Bulletin Hispanique.* 1946. T. 48. № 3. P. 210–226; *Алексеев М.П.* Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // *Сравнительное литературоведение.* М., 1983. С. 49–57.

1615 г.; в 1668 г. во время пребывания во Франции П.И. Потемкин и его спутники опирались на сведения из статейного списка посольства 1615 г. Соответственно, именно во время пребывания в Испании посольство в отсутствие прецедентов часто сталкивалось с проблемами церемониально-протокольного характера. И испанские, и русские дипломаты имели свои представления о том, сколько аудиенций должно быть дано москвитам и по какому церемониалу, как следует размещать посольство в Мадриде и в целом во время его пребывания в Испании, как следует оформлять и передавать ответные грамоты. Следует отметить, что в Посольском приказе приоритет отдавали переговорам именно с Испанией: хотя морской путь дипломатов из Архангельска на Пиренейский полуостров пролегал мимо французских берегов, предписывалось «наперед быти им у ишпанского Филиппа короля»⁴.

Привлекательность испанской части посольства для историка заключается еще и в том, что и русская, и испанская его документация в целом хорошо сохранились и доступны для исследователя⁵. В то же время, хотя посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. изучено существенно лучше, чем последующие дипломатические миссии в Испании А.А. Виниуса (1673 г.), П.И. Потемкина (1681 г.) и Я.Ф. Долгорукова (1687–1688 гг.)⁶, интересующие нас вопросы на его материале не привлекали специального внимания исследователей.

Посольство П.И. Потемкина и С.В. Румянцева стало важным звеном в реализации внешнеполитической программы тогдашнего главы Посольского приказа боярина А.Л. Ордина-Нащокина⁷. После заключения 30 января (9 февраля) 1667 г. Андрусовско-го перемирия с Речью Посполитой во многие страны Европы, в том числе и в Испанию, были отправлены дипломатические миссии – формально, чтобы известить о заключенном перемирии, фактически же для установления и развития дипломатических и торговых отношений. Эти цели были поставлены и перед посольством П.И. Потемкина – в отношении Испании речь шла о том, чтобы сделать к этому первый шаг. Можно предположить, что одной из задач было выяснение возможности союза против Османской империи, однако ни какими-либо документами посольства (за исключением обремененного в самые обтекаемые формулировки пассажа из царской грамоты о том, что мир и союз между христианскими государствами заставит Османскую империю воздержаться от агрессии⁸), ни фактами истории этой миссии такая гипотеза на данный момент не подтверждается. При этом в документах цели посольства были сформулированы в достаточно обтекаемой форме, поскольку достичь конкретных договоренностей предполагалось в Москве в ходе ответного визита испанских дипломатов.

⁴ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 182.

⁵ См. осуществленную нами совместно с Е.Е. Рычаловским публикацию документов из русских и испанских архивов: Российского государственного архива древних актов, Национального исторического архива в Мадриде (Archivo Histórico Nacional), Генерального архива Дворца (Archivo General de Palacio), Генерального архива Симанкас (Archivo General de Simancas), Архива герцогов Мединасели (Archivo Ducal de Medinaceli) и других в кн.: Посольство П.И. Потемкина в Испанию... См. также обзор испанской документации: *Эхеа Фернандес М.* Первое русское посольство... С. 115–125.

⁶ *Казакова Н.А.* А.А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 39. Л., 1985. С. 348–364; *Фалкон Рамирес Х.* Русское посольство 1681 года: попытка развития двусторонней торговли // Проблемы испанской истории. 1992. М., 1992. С. 104–111; *Караулова М.К.* Яков Федорович Долгоруков (1687–1688) // Российские дипломаты в Испании. 1667–2017. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2016. С. 13–22; *Рычаловский Е.Е.* Петр Иванович Потемкин на государственной службе // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2017. С. 107–114.

⁷ О месте Испании в этой программе см.: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 201–203.

⁸ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 180.

Учитывая дальность расстояния между двумя странами, тогдашние скорости передвижения и международную обстановку, из-за которой нередко закрывались, и надолго, наиболее удобные и быстрые пути сообщения, какие-либо контакты между посланниками и Посольским приказом в промежутки времени между отправлением и возвращением дипломатов были фактически невозможны. В такой ситуации особую роль приобретали инструкции (наказ), составлявшиеся в Москве с целью максимально предусмотреть все возможные повороты событий и осложнения. Их специфику и степень детализации в Мадриде не очень представляли, между тем невыполнение любого из пунктов наказа по возвращении в Москву грозило членам посольства судебным разбирательством и опалой. В то же время при попытке скрыть нарушение инструкций кто-либо из участников посольства мог донести об этом в Посольский приказ, что грозило слушникам еще более тяжелым наказанием. Поэтому даже в мелочах они стремились строго следовать букве наказа, а испанской стороне объясняли свою позицию далеко не всегда либо объясняли в слишком обтекаемой форме. В тех случаях, когда ожидания посланников не соответствовали привычной для испанцев дипломатической практике, у последних могло создаться впечатление о дурном нраве «москвитов», готовых спорить из-за любого пустяка; в испанских документах, связанных с посольством 1667–1668 гг., говорится подчас о таких качествах П.И. Потемкина, как «придирчивость», «недоверчивость» и даже «сумасбродство»⁹.

Соответственно в русской документации по истории посольств XVII в. главными источниками являются указы и итоговые отчеты о посольстве – статейные списки. Последние гораздо увлекательнее, лучшие из них по праву считаются замечательными памятниками русской литературы, но правильно понять их можно только постоянно сравнивая с наказами, иначе поведение русских послов, каким оно предстает в статейных списках, может показаться странным и подчас даже вздорным.

Вопрос о том, как соотносятся наказ и статейный список, в какой мере поведение послов, каким оно описано в статейном списке, обусловлено пунктами наказа, на материале посольства 1667–1668 гг. до сих пор подробно не рассматривался, да и в целом он в историографии скорее обозначен, чем исследован. Обратимся к наиболее важным для нас частям обоих текстов, которые относятся к королевской аудиенции и последующим переговорам. Вот что мы узнаем об этом из наказа¹⁰.

До первой аудиенции посланникам запрещалось посещать испанских должностных лиц, а также дипломатов из других стран, и сообщать им о целях посольства. Следовало убедиться, что в день аудиенции король не будет принимать других дипломатов.

На самой аудиенции следовало добиваться, чтобы король встал при перечислении царских титулов и спросил о здоровье царя стоя и сняв шляпу; если он этого не сделает, то следовало сразу указать испанской стороне, что все другие государи всегда задают такие вопросы стоя. Если же такое поведение будут объяснять малолетством короля, то следовало сказать, что на необходимое время короля можно взять на руки и снять с него шляпу (этот пассаж, кстати, является одним из доводов в пользу того, что вопреки распространенной в историографии точке зрения в России в 1667 г., когда составлялся наказ, знали о смерти короля Филиппа IV, случившейся 17 сентября 1665 г., и воцарении Карла II, так что составление грамот на имя Филиппа, а не его малолетнего преемника, следует объяснять другими причинами¹¹). Грамоту нужно было передать лично королю либо канцлеру, но так, чтобы король непременно находился рядом. В своей речи

⁹ Там же. С. 318, 324.

¹⁰ Там же. С. 185–197.

¹¹ Подробнее см.: Ведюшкин В.А. Когда в России узнали о смерти короля Испании Филиппа IV? Об одном казусе из истории русско-испанских отношений // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 8 (52). URL: <https://history.jes.su/s207987840001614-4-1/> (дата обращения: 28.04.2021).

послу надлежало выразить сожаление, что до сих пор между двумя странами не было дипломатических отношений, и этим объяснить возможные неточности или пропуски в титулатуре испанского монарха, подчеркнув, что как только в Москве получат ответную грамоту, титулатура испанского короля будет писаться в полном соответствии с ней. Лишь после аудиенции и только в ответ на запрос испанской стороны следовало передать латинский перевод грамоты (хотя с самого начала почти не вызывало сомнений, что при испанском королевском дворе не найдется знатоков русского языка и что латинский перевод понадобится). В случае приглашения на королевскую трапезу, как и в случае с аудиенцией, следовало удостовериться, что на ней не будет других послов, и записать все детали приема и трапезы.

Наряду с основной грамотой послам были переданы «опасная» грамота, в соответствии с которой ответному испанскому посольству обеспечивался безопасный проезд в Москву, а также еще одна бумага, не столь официального характера, в которой излагались предложения русской стороны. Однако передавать их испанцам наказ предписывал не на первой, а после второй аудиенции, которую надлежало испросить, ссылаясь на желание лично поблагодарить монарха за оказанный прием; оговаривалось, что в тот день также не должно быть приема других послов. Как предполагалось, узнав о том, что послы, помимо изложенного и переданного на первой аудиенции, имеют еще какие-то поручения, испанская сторона после второй аудиенции пригласит их на переговоры с королевскими советниками. Впрочем, о том, как вести переговоры, в наказе почти ничего не сказано, лишь отмечено, что для ведения полноценных переговоров нужно предложить прислать испанских полномочных послов в Москву (и в этой связи, если спросят, передать «опасную» грамоту), а в случае, если в Мадриде заинтересуются предполагаемыми условиями торговли, ответить, что торговать можно любыми товарами, а пошлину платить обычную для России.

Отдельно оговаривается порядок действий при вручении ответной грамоты. Получить ее разрешалось только на заключительной аудиенции от самого короля, аргументируя тем, что так принято у всех великих государей. Даже если испанская сторона будет настаивать, что у них принято передавать такую грамоту через королевских доверенных лиц, посол не имел права соглашаться. Запросить текст ответной грамоты следовало заранее, причем на том языке, с которого в посольстве смогут перевести, а переведя, тут же сверить титулатуру. Если все в ней было правильно, надлежало сразу же выезжать из Мадрида. Если же в титулатуре хоть что-то не соответствовало русскому образцу, грамоту следовало вернуть и добиваться исправления несоответствий. Составители наказа, разумеется, прежде всего опасались, что в ответной грамоте будет опущен или искажен титул царя¹². Поэтому отдельно оговаривались доводы, которые следовало привести в обоснование права царя на свой титул и в ответ на возможные возражения, что царем и самодержцем можно именовать только германского императора: это и преемственность власти Владимира Мономаха от византийских императоров, и завоевание Иваном Грозным трех царств (Казанского, Астраханского и Сибирского ханств), и указание на то, что все другие государи называют Алексея Михайловича царем.

Переходя к иным пунктам наказа, отметим, что строго регламентированные ответы предполагались на возможные вопросы о войне с Польшей и о перемирии, о возрасте царя, о его титулах и гербе, об отношениях царя с другими государями и о многом другом. Например, известить испанскую сторону о том, что из Мадрида посольство не будет возвращаться в Россию морем через Кадис, а отправится во Францию, следовало только после того, как послы получат ответную грамоту (что, естественно, вызвало в Мадриде недовольство, ведь все расходы были уже рассчитаны исходя из маршрута через Кадис).

¹² Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 196.

Нетрудно убедиться, что все требования наказа имели логическое объяснение. Чаще всего речь идет о том, чтобы ни в коем случае не уронить чести посланников великой державы (например, требования, чтобы король выслушал царские титулы и спросил о здоровье царя стоя и сняв шляпу, чтобы король принял грамоту лично и лично же вручил на заключительной аудиенции ответную грамоту, чтобы в ответной грамоте была тщательно проверена титулатура) либо не создать нежелательного прецедента, на который потом могли бы ссылаться иностранные послы в России (так, во время второй аудиенции, после того как королева вторично попросила послов надеть шапки, те послушались, но затем вновь сняли¹³).

Учитывая степень детализации наказа, возможности для самостоятельных действий послов были предельно ограничены. Инициатива допускалась только в тех случаях, которые не были предусмотрены инструкциями. Например, составители наказа уж точно не могли предполагать, что в Мадриде посольство обворуют и при этом вора вскоре поймут, так что ходатайство Потемкина, чтобы вору заменили казнь каторгой, — его собственная инициатива. Другой пример — порядок передачи «опасной» грамоты и бумаги с предложениями русской стороны. Видимо, узнав или поняв, что сразу после второй аудиенции послов на переговоры не позовут, они решили передать эти два документа на самой аудиенции.

Когда мы сравниваем пункты наказа с изложением хода посольства в статейном списке, прежде всего на ум приходит мысль об удивительной предусмотрительности и профессионализме составителей наказа: подавляющая часть описанных в нем гипотетических ситуаций действительно имела место, почти все указанные вопросы были заданы. Логично предположить, что авторы наказа опирались на практику прешествующих посольств, а при их отсутствии — на практику дипломатических отношений с другими странами Европы, причем сходство ситуаций позволяло прогнозировать их на будущее, но важнее другое: зная, что в Москве оценивать результаты посольства будут прежде всего по тому, строго ли соблюдался царский наказ, посланники соответствующим образом конструировали статейный список, «подгоняя» события, имевшие место во время посольской миссии под статьи наказа (хотя, естественно, избегая откровенной фальсификации, ведь кто-то из состава посольства вполне мог известить руководство Посольского приказа, что все было не совсем так). Впрочем, эти два объяснения не обязательно противоречат одно другому, они могут и дополнять друг друга.

В тексте статейного списка мы находим почти зеркальное наказу описание королевской аудиенции¹⁴. И при подготовке, и в ходе аудиенции Потемкин действовал в строгом соответствии с наказом. Когда король в нужный момент не снял шляпу, посол выразил свой протест, и церемония продолжилась только после того, как главный майордом королевы подробно объяснил этот казус испанскими обычаями и малолетством монарха. В остальном церемония и последующие отношения между сторонами (передача в ответ на просьбу о переводе царской грамоты ее латинского варианта) соответствовали наказу. Естественно, недоуменные вопросы испанской стороны вызвало то, что царская грамота обращена к Филиппу IV, а не Карлу II, однако предусмотренное наказом объяснение дальностью расстояний и отсутствием «ссылок» всех устроило. Когда у послов заинтересовались, есть ли у них какие-либо иные поручения, кроме объявленных в присутствии короля и королевы, то они в полном соответствии с наказом сначала испросили вторую аудиенцию. А как только выяснилось, что по недосмотру вторая аудиенция (на сей раз только у королевы-матери) оказалась назначена на тот же день, что и встреча Марианны Австрийской с английским послом, по требованию Потемкина дату аудиенции перенесли.

¹³ Там же. С. 112.

¹⁴ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 100–103.

Поведение испанской стороны во многом определялось другими факторами. Во-первых, послов из Московии в Испании не ждали и, вообще говоря, стране на рубеже 1667–1668 гг. было не до них: еще не закончилась долгая война с Португалией и продолжалась Деволуционная война с Францией — обе неудачные для Испанской монархии.

Во-вторых, испанская сторона не имела о России и ее дипломатах вообще никакой информации, поэтому ее сбор стал первоочередной задачей. Необходимые сведения поступали из двух источников: от капитана Бенито де Дуо, сопровождавшего посольство от Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария до Мадрида и в пути регулярно беседовавшего с его членами, и от иностранных дипломатов, находившихся в Мадриде, прежде всего от имперского посла графа Пёттинга.

От Дуо в Мадрид поступили сведения о численности и составе посольства, о чертах характера «москвитов», их пристрастиях в пище и питье. Вот как он описывает русских: «В своих обычаях они осмотрительны, сдержанны, внимательны и учтивы, но также им присущи заметное тщеславие, любовь к внешнему блеску; они всегда хотят, чтобы у них были великолепные кареты и добрые кони, и их посол мне говорил, что он стремится к этому только ради чести своего государя и репутации своего посольства». И дальше продолжает: «Если с ними хорошо обращаться, они довольствуются немногим; если в них проявлять заинтересованность, подчиняются необходимости»¹⁵. Мотивы тщеславия «москвитов» и их заинтересованности в самом строгом соблюдении церемониала фигурируют и в других испанских документах¹⁶.

От Пёттинга поступали сведения о пребывании русских дипломатов в Вене (правда, из-за болезни посла и необходимости связаться с Веной нужные сведения большей частью запоздали¹⁷, так что использовать их было возможно лишь при подготовке заключительной аудиенции). Главная трудность на этом этапе состояла в том, чтобы определить церемониал королевской аудиенции, и не только потому, что не было прецедентов встречи именно русских послов: речь шла о представителях державы не католической, но христианской, отдаленной, но огромной и могущественной. То, что в результате было решено принимать Потемкина и его спутников по тому же церемониалу, что и посланника турецкого султана в 1649 г.¹⁸, говорит, с одной стороны, о влиянии на испанских дипломатов стереотипов об экзотичности русских, с другой — о высокой оценке посланников царя, удостоившихся того же церемониала, что и представитель Османской империи — одной из самых могущественных держав тогдашнего мира.

Было очевидно, что на отношении Испанской монархии с соседями приезд москвитов никак не влиял, но испанские дипломаты и политики понятия не имели, чего именно добивается царь, какие конкретные предложения стоят за сформулированным в самой общей форме желанием установить дружеские отношения между двумя государями. Во всяком случае, ничего плохого от посольства не ждали. К тому же достойный прием русского посольства рассматривался правительством как вопрос престижа Испанской монархии (по которому как раз в это время наносился один удар за другим), тем более что после первых контактов с русскими в Андалусии, куда те прибыли морем из Архангельска, появились сведения о привезенных ими богатых посольских дарах. Их могли подкреплять известия о щедрых подарках, которые послы вручали испанским чиновникам и переводчикам за оказанные услуги.

Как показывает документация посольства, испанская сторона, несмотря на крайне тяжелое состояние финансов в стране, сделала все возможное для организации достойного пребывания русских в Мадриде и королевской аудиенции. Аудиенция, хотя и сопровождалась заминкой с королевской шляпой, в целом прошла успешно и произвела сильное впе-

¹⁵ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 292.

¹⁶ Там же. С. 286–287.

¹⁷ Там же. С. 316–317.

¹⁸ Там же. С. 285–286, 293–295, 341–343.

чатление на публику¹⁹. Далее начались работа с документами и переговорный процесс. Вопросы титулатуры, которые могли оказаться камнем преткновения, в Мадриде не создали неразрешимых проблем. Испанские дипломаты поинтересовались у русской стороны, что означает царский титул, но вполне удовлетворились пояснениями о преемственности царской власти от византийских василевсов и о завоевании Казанского, Астраханского и Сибирского ханств.

Сами по себе предложения царя установить дипломатические и торговые отношения были благосклонно встречены регентшей Марианной Австрийской и ее окружением, причем было высказано предложение подробнее обсудить с послами вопрос о торговле и выяснить, о какого рода торговле идет речь и кто будет принимать в ней участие.

Убедившись, что никаких других задач, кроме установления дипломатических и торговых отношений, посольство не имело, испанская сторона сосредоточилась на том, чтобы составить ответную грамоту в вежливо-положительных, но самых обтекаемых формулировках. Члены Государственного совета советовали королеве: «На представленные послами письма следует дать возможно более любезный ответ; чтобы пышность выражений, титулов и приветствий одновременно тешила самолюбие их господина и не ущемляла достоинство Вашего величества», а на предложение о торговле рекомендовано «ответить в общих выражениях, не принимая на себя обязательств»²⁰. В то же время все острее вставала задача без промедления отправить послов в обратный путь, ведь каждый день их пребывания в Мадриде стоил казне немалых денег.

В целом документация посольства, и русская, и испанская, демонстрирует гибкость испанских дипломатов, которые хорошо поняли особенности поведения русской стороны и приспособились к ним. За три с половиной месяца пребывания посольства в Мадриде возникло всего несколько конфликтных ситуаций. Это прежде всего уже упоминавшийся и благополучно разрешившийся эпизод с королевской шляпой на первой аудиенции. Далее, в ответ на пожелание передать предложения царя испанским должностным лицам послы потребовали, чтобы сначала король дал им еще одну аудиенцию, которой испанский дипломатический церемониал не предусматривал, а когда выяснилось, что в предназначенный для нее день королева уже виделась с английским послом, — перенести аудиенцию на другой день. Этот вопрос был решен сравнительно легко: аудиенция была дана одной королевой, король не присутствовал, но послов вполне удовлетворило объяснение, что малолетний король пока не занимается государственными делами.

Больше всего споров вызвала ответная грамота. Во-первых, послы в полном соответствии с наказом добивались, чтобы ее вручил сам король на заключительной аудиенции, в то время как по испанскому дипломатическому обычаю предполагалось, что государственный секретарь принесет грамоту на посольский двор. Во-вторых, посланники первоначально добивались, чтобы ответная грамота была составлена на латыни, хотя сами привезли грамоту на русском, пусть и с латинским переводом. Не получив на это согласия, но располагая заблаговременно латинским переводом грамоты для проверки, они исправили замеченные неточности. Добившись все-таки королевской аудиенции и получив на ней грамоту на испанском, посланники по возвращении на посольский двор проверили документ на соответствие латинскому переводу, а когда обнаружили различия в порядке слов, абсолютно естественные с точки зрения грамматики испанского и латинского языков, потребовали исправить испанский текст. Хотя испанские дипломаты и не согласилась с доводами русской стороны, они сочли за лучшее уступить в этом по сути ничего не значащем вопросе и переделать грамоту.

По возвращении в Москву Потемкин передал в Посольский приказ привезенную грамоту, а позже и статейный список. Выраженной в документе в самой обтекаемой

¹⁹ Там же. С. 343–347.

²⁰ Там же. С. 311.

форме готовности установить дипломатические и торговые отношения вкупе с переданным на словах обещанием вскоре прислать ответное посольство оказалось достаточно, чтобы миссию сочли успешной.

Чтобы понять, что испанцы не собираются отправлять в Россию ни полномочного посла для ведения переговоров, ни купцов с товарами, понадобились еще три русские дипломатические миссии: А.А. Виниуса в 1673 г., П.И. Потемкина в 1681 г. и Я.Ф. Долгорукова в 1687–1688 гг. Впрочем, в Мадриде визит москвитов не был забыт: когда у Испании возникла острая необходимость закупить мачтовый лес, царю была отправлена грамота от имени Карла II и Марианны Австрийской, датированная 20 мая 1672 г., с просьбой оказать содействие в этом деле²¹. Однако у нас нет никаких сведений о том, имела ли она какие-либо последствия.

При всех различиях между испанскими и русскими дипломатами — для Потемкина и его спутников была более важна церемониально-символическая сторона приема посольства, а для испанцев — практические, в том числе финансовые соображения — обе стороны ориентировались, хотя и немного по-разному, на дипломатическую практику, существовавшую в это время в Европе. Учитывая отсутствие противоречий между двумя государствами, потенциальную заинтересованность обеих сторон в установлении дипломатических отношений и развитии двусторонней торговли, а также предельно обтекаемо сформулированные цели посольства, оно было обречено на успех, но успех чисто формальный: далекие расстояния, разделявшие две страны, и трудное положение Испанской монархии, которую больше заботило сохранение уже имевшихся рынков, чем потенциальная возможность утвердиться на новых, сделали реальные цели посольства П.И. Потемкина невыполнимыми в тех условиях. Их осуществления пришлось ждать еще несколько десятилетий.

Библиография

Алексеев М.П. Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартин // Сравнительное литературоведение. М., 1983. С. 49–57.

Ведюшкин В.А. Когда в России узнали о смерти короля Испании Филиппа IV? Об одном казусе из истории русско-испанских отношений // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 8 (52). URL: <https://history.jes.su/s207987840001614-4-1/> (дата обращения: 28.04.2021).

Волосюк О.В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление русско-испанских отношений. М., 2011.

Казакова Н.А. А.А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 39. Л., 1985. С. 348–364.

Караулова М.К. Яков Федорович Долгоруков (1687–1688) // Российские дипломаты в Испании. 1667–2017. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2016. С. 13–22.

Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: документы и материалы / отв. ред. В.А. Ведюшкин, сост. В.А. Ведюшкин, Е.Е. Рычаловский. М., 2018.

Путешествия русских послов — Статейный список П.И. Потёмкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки. Репринтное воспроизведение. СПб., 2008. С. 227–315, 426–441.

Рычаловский Е.Е. Петр Иванович Потемкин на государевой службе // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2017. С. 107–114.

Третьякова М.В. «Такой чищеной грамоты нам не имывать», или к вопросу о посольстве стольника П.И. Потемкина и дьяка С. Румянцева во Францию в 1667–1668 годах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2013. Вып. 1. С. 43–62.

Фалкон Рамирес Х. Русское посольство 1681 года: попытка развития двусторонней торговли // Проблемы испанской истории. 1992. М., 1992. С. 104–111.

Фернандес Искьердо Ф. Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П.И. Потемкина в 1667–1668 годах // Проблемы испанской истории. 1992. М., 1992. С. 95–104.

²¹ Там же. С. 348–349.

Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.

Эгеа Фернандес М.А. Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 205–209.

Эгеа Фернандес М.А. Первое русское посольство в Испанское королевство (1667–1668 годы). Источники испанских архивов // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 115–125.

Derjavin C. La primera embajada rusa en España // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1930. № 96. P. 891–896.

Egea Fernández M.A. La primera embajada moscovita a la Monarquía Hispánica // From Ireland to Poland: Northern Europe, Spain and the Early Modern World / eds E. García Hernán, R. Skowron. Valencia, 2015. P. 273–288.

Fernández Izquierdo F. Las embajadas rusas a la Corte de Carlos II // Studia Historica. Historia Moderna. 2000. Vol. 22. P. 75–107.

Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.

López de Méneses A. Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // Bulletin Hispanique. 1946. T. 48. № 3. P. 210–226.

Schaub M.K. Avoir l'oreille du Roi. L'Ambassade de Pierre Potemkin et Siméon Roumiantsev en France en 1668 // Paroles de Négociateurs. L'Entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Âge à la fin du XIXe siècle / Andretta S. et alii. Rome, 2010. P. 213–229.

References

Alekseev M.P. Moskovskii pod'iachii Ia. Polushkin i italo-ispanskii gumanist Pedro Martir [Moscow clerk Ya. Polushkin and Italian-Spanish humanist Pedro Martir] // Sravnitel'noe literaturovedenie [Comparative literature studies]. Moskva, 1983. P. 49–57. (In Russ.)

Egea Fernández M.A. Priim russkogo posol'stva 1667–1668 gg. pri dvore Karla II (po materialam ispanskikh arkhivov) [Reception of the Russian Embassy 1667–1668 at the court of Charles II (based on the documents from Spanish archives)] // Rus', Rossiia: Srednevekov'e i Novoe vremia [Rus, Russia: Middle Ages and Modern Age]. Vyp. 4. Moskva, 2015. P. 205–209. (In Russ.)

Egea Fernández M.A. Pervoe russkoe posol'stvo v Ispanskoe korolevstvo (1667–1668 gody). Istochniki ispanskikh arkhivov [First Russian embassy to the Kingdom of Spain (1667–1668). Sources from Spanish archives] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and contemporary history]. 2016. № 4. P. 115–125. (In Russ.)

Falkón Ramírez J. Russkoe posol'stvo 1681 goda: popytka razvitiia dvustoronnei torgovli [Russian Embassy of 1681: an attempt to develop bilateral trade] // Problemy ispanskoi istorii. 1992 [Problems of Spanish history. 1992]. Moskva, 1992. P. 104–111. (In Russ.)

Fernández Izquierdo F. Pervye ispano-russkie diplomatischeeskie kontakty: posol'stvo P.I. Potyomkina v 1667–1668 godakh [The first Spanish-Russian diplomatic contacts: the embassy of P.I. Potyomkin in 1667–1668] // Problemy ispanskoi istorii. 1992 [Problems of Spanish history. 1992]. Moskva, 1992. P. 95–104. (In Russ.)

Floria B.N. Vneshnepolitesheskaia programma A.L. Ordina-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniia [The foreign policy program of A.L. Ordin-Nashchokin and attempts to realize it]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Karaulova M.K. Iakov Fedorovich Dolgorukov (1687–1688) [Iakov Fedorovich Dolgorukov (1687–1688)] // Rossiiskie diplomaty v Ispanii. 1667–2017. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / otv. red. O.V. Volosiuk [Russian diplomats in Spain. 1667–2017. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / ed. O.V. Volosiuk]. Moskva, 2016. P. 13–22. (In Russ.)

Kazakova N.A. A.A. Viniius i stateyni spisok ego posol'stva v Angliiu, Frantsiiu i Ispaniiu [A.A. Viniius and stateyni spisok of his embassy to England, France and Spain] // Trudy otdela drevnerusskoi literatury [Works of the Department of Ancient Russian Literature]. T. 39. Leningrad, 1985. P. 348–364. (In Russ.)

Posol'stvo P.I. Potyomkina v Ispaniiu v 1667–1668 godakh: dokumenty i materialy / otv. red. V.A. Vediushkin, sost. V.A. Vediushkin, E.E. Rychalovskii [Embassy of P.I. Potyomkin in Spain in 1667–1668: Documents and Studies / ed. V.A. Vediushkin, compiled by V.A. Vediushkin, E.E. Rychalovsky]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Rychalovskii E.E. Piotr Ivanovich Potiomkin na gosudarevoi sluzhbe [Piotr Ivanovich Potiomkin in the sovereign's service] // Ispaniia i Rossiia: istoricheskie sud'by i sovremennaia epokha / otv. red. O.V. Volosiuk [Spain and Russia: historical destinies and the present time / ed. O.V. Volosiuk]. Moskva, 2017. P. 107–114. (In Russ.)

Stateinyi spisok P.I. Potiomkina (Frantsiia) [Stateinyi spisok of P.I. Potiomkin (France)] // Puteshestviia russkikh poslov XVI–XVII vv.: Stateinye spiski [Travels of Russian ambassadors of the 16th–17th centuries: Stateinye spiski]. Sankt-Peterburg, 2008. P. 227–315, 426–441. (In Russ.)

Tret'iakova M.V. “Takoi chishchenoi gramoty nam ne imyvat”, ili K voprosu o posol'stve stol'nika P.I. Potyomkina i d'iaka S. Rumiantseva vo Frantsiiu v 1667–1668 godakh [“We'll not take such a scrubbed charter”, or to the question of the embassy of the stolnik P.I. Potyomkin and diak S. Rumyantsev to France in 1667–1668] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii “Istoriia” [Bulletin of Tver State University. Series “History”]. 2013. Vyp. 1. P. 43–62. (In Russ.)

Vediushkin V.A. Kogda v Rossii uznali o smerti korolia Ispanii Filippa IV? Ob odnom kazuse iz istorii russko-ispanskikh otnoshenii [When did they know in Russia about the death of King Philip IV of Spain? About one casus from the history of Russian-Spanish relations] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriia”. 2016. Vyp. 8 (52) [Electronic scientific and educational journal “History”. 2016. Issue 8 (52)]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001614-4-1/> (access date: 28.04.2021). (In Russ.)

Volosiuk O.V. Vneshniaia politika Ispanii v XVIII veke: stanovlenie russko-ispanskikh otnoshenii [Spanish foreign policy in the 18th century: the formation of Russian-Spanish relations]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Derjavin C. La primera embajada rusa en España // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1930. № 96. P. 891–896.

Egea Fernández M.A. La primera embajada moscovita a la Monarquía Hispánica. // From Ireland to Poland: Northern Europe, Spain and the Early Modern World / eds E. García Hernán, R. Skowron. Valencia, 2015. P. 273–288.

Fernández Izquierdo F. Las embajadas rusas a la Corte de Carlos II // Studia Historica. Historia Moderna. 2000. Vol. 22. P. 75–107.

Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.

López de Méneses A. Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // Bulletin Hispanique. 1946. T. 48. № 3. P. 210–226.

Schaub M.K. Avoir l'oreille du Roi. L'Ambassade de Pierre Potemkin et Siméon Roumiantsev en France en 1668 // Paroles de Négociateurs. L'Entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Âge à la fin du XIXe siècle / Andretta S. et alii. Rome, 2010. P. 213–229.